

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ОПТИКЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В.В. НУРКОВА

Нуркова Вероника Валерьевна — доцент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор двух монографий и 96 публикаций в научных изданиях по тематике автобиографической памяти личности. Контакты: Nourkova@mail.ru

---

Резюме

В статье представлено обоснование и ряд результатов реализации комплексной программы исследования автобиографической памяти на основе неклассической методологии культурно-исторической психологии с расширением за счет деятельностного подхода. Применение системно-функционально-генетического анализа позволило исследовать автобиографическую память как высшую психическую функцию, организованную по смысловому принципу, оперирующую с личностно отнесенным опытом, которая обеспечивает формирование субъективной истории личного прошлого и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути, имеющую многоуровневую структуру взаимосвязанных единиц, принципы организации которой определяются использованием различных систем социокультурных средств. В качестве варианта стратегии системного экспериментально-генетического метода предложена методика «Линия жизни».

Ключевые слова: автобиографическая память, культурно-историческая психология, деятельностный подход

Обзор достаточно обширного массива эмпирических фактов, накопленный к сегодняшнему дню исследователями автобиографической памяти, в первую очередь в рамках мейн-

стрима западной когнитивной психологии, создает впечатление «методологической беспечности» авторов. Не определяя четко предмет своего исследования и ссылаясь лишь на

обыденные, интуитивные, по сути «предпонятийные» представления, авторы говорят об автобиографической памяти как о «памяти на специфичные личные события» (Brewer, 1986) или «памяти о событиях, произошедших в собственной жизни» (Rubin, Berntsen, 2004). За редкими исключениями (Conway, Pleydell Pearce, 2000; Nelson, 2003), не ставится задача разработки целостной модели данной мнемической системы. Конкретные работы носят преимущественно экстенсивный и несистематический характер, давая ответы на частные вопросы, например о влиянии ряда ситуативных факторов на степень достоверности свидетельских показаний или о связи параметра коллективизма культуры с содержанием ранних воспоминаний ее представителей, но они не интегрированы в многоэтапную исследовательскую программу. Такое положение ведет не только к трудностям при сопоставлении полученных результатов, но и к размыванию самого понятия автобиографической памяти.

Показательно, что потребность в теоретической реконструкции феномена автобиографической памяти недавно начала осознаваться в среде наиболее авторитетных западных ученых. Так, в июне 2010 г. на открытии первого Международного центра исследований автобиографической памяти (CON AMORE) в Дании профессор Дороти Бернтсен заявила: «Мы являемся свидетелями и участниками драматического расширения поля исследований автобиографической памяти. Если в 1980-е гг. было опубликовано не более 20 работ, посвященных этой теме, то к 2010 г. их количество приблизилось

к 2000. Наступает время перехода от накопления эмпирических обобщений, уже доказавших свою значимость в глазах мирового научного сообщества, к теоретическим обобщениям, к поиску теории автобиографической памяти» (Theoretical perspective on autobiographical memory, 2010, p. 3).

По нашему мнению, столь длительный относительно темпа развития современной науки период «до-теоретического» освоения реальности содержания, функций и механизмов памяти человека о себе и своей жизни неслучаен. Автобиографическая память как психологическая функция, обеспечивающая человеку возможность обращаться к прожитой части своей жизни, обладает бесспорной феноменологической очевидностью. В отличие от многих явлений, сначала описанных на основании гипотетических моделей в рамках той или иной исследовательской парадигмы (например, сенсорный регистр как мгновенно фиксирующая динамику изменений мира мнемическая система; внимание как «фильтр», активно подавляющий помехи, и др.), а затем, по мере накопления согласующихся с моделью эмпирических данных, приобретающих онтологический статус (в большей мере в кругу членов научного сообщества, чем в массовом сознании), каждый носитель автобиографической памяти не испытывает ни малейших сомнений в самом факте существования автобиографических воспоминаний. Однако законы работы автобиографической подсистемы памяти остаются скрытыми от ее носителя.

Такой статус проблематики автобиографической памяти отнюдь не

снижает, а наоборот, только повышает познавательную ценность теоретических и эмпирических исследований в данной области. Применительно к изучению автобиографической памяти абсолютно необходима работа (в частности, среди профессиональных психологов) по преодолению существующего в имплицитной форме постулата непосредственности, который все еще доминирует при изучении данной психологической реальности.

В качестве иллюстрации приведем исследование голландских коллег, позволившее прояснить, насколько далеки от действительности представления людей о закономерностях работы автобиографической памяти. В качестве респондентов в данном исследовании выступали 2000 лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, в том числе студенты психологических факультетов университетов (Magnussen et al., 2006). Респондентам задавали несколько вопросов, касающихся их мнения относительно тех или иных особенностей автобиографической памяти, например: «По сравнению с взрослыми дети вспоминают о случившихся с ними событиях ...?»; «С какого возраста человек может помнить себя?»; «Насколько заслуживают доверия ваши воспоминания о прошлом?»; «С какого возраста память о себе начинает портиться?» и др.

Результаты показали, что подавляющее большинство респондентов (75%) убеждены, что дети обладают точными и полными воспоминаниями о своем прошлом, не уступающими по качеству взрослым; что люди могут помнить себя с возраста после трех лет (и только около 25% уве-

рены, что возможны более ранние воспоминания); что наши воспоминания очень точны (72%), хотя и постепенно ухудшаются с возрастом. Надо ли говорить, что все эти обыденные представления, функционирующие в современной европейской культуре, не соответствуют эмпирическим данным?

Итак, для преодоления сложившейся ситуации в области исследований автобиографической памяти мы поставили перед собой задачу выбора конкретно-научной методологии, позволяющей не только интегрировать имеющиеся эмпирические факты, но и увидеть качественно новые проблемы, разработать целостную программу исследований, открыть новые закономерности, ускользающие от наивного эмпиризма. Разработка и организация программы исследования в свою очередь в качестве отдельной задачи предполагает предварительную методологическую рефлексию, т. е. экспликацию принципов структурирования заявленного проблемного поля, выделение эвристических единиц анализа, определение потенциально возможного репертуара гипотез и выбор или создание адекватного методического аппарата.

Вполне отдавая себе отчет в том, что сама наука как социокультурный институт и сопряженный с ней идеал научности социально и исторически обусловлены, причем претерпеваемые ими эволюционные изменения происходят скорее не последовательно, а «с захлестом», уместно говорить не о некоторой победившей научной парадигме, а об одновременном конфликтном сосуществовании принципиально различных «наук» (что,

кстати, отметил Л.С. Выготский в «Историческом смысле психологического кризиса»). Данное утверждение особенно верно для наук социального и гуманитарного цикла, поскольку в них и исследователем, и объектом исследования является человек как носитель определенных дискурсивных практик. Для обозначения культурно и исторически специфичной познавательной ситуации М. Фуко ввел термин «эпистема», поясняя: «эпистема — это тот способ, в соответствии с которым в каждой из дискурсивных формаций становится возможным и совершается движение научности и формализации, это совокупность всех связей, которые возможно раскрыть для каждой данной эпохи между науками, когда они анализируются на уровне дискурсивных закономерностей» (М. Фуко, 1996, с. 190). Значительно упрощая, можно представить следующие образцы науки (эпистемы): доклассическую (ренессансную), классическую, романтическую (неклассическую) и постнеклассическую.

Наиболее продуктивной для психологического исследования автобиографической памяти нам представляется модель неклассической (романтической) методологии, в конкретном воплощении культурно-исторической психологии Л.С. Выготского с расширением ее потенциала за счет деятельностного подхода.

Подчеркнем, что представители неклассической науки не отказываются от объективности исследования как таковой, но понимают ее не так, как сторонники классической науки. Они далеки от того, чтобы считать объект исследования исключительно продуктом сознания

исследователя, признавая, что научный факт производится во взаимодействии субъекта и объекта (а для психологии — во взаимодействии двух субъектов). Отсюда идея генетического, конструирующего типа эксперимента, где понимание того, что «наблюдение в принципе невозможно без воздействия» (Гейзенберг, 1989, с. 109) не мешает объективности исследования, а наоборот, наполняет его особым объемным содержанием. Изоляция объекта и субъекта исследования в классическом подходе сменяется в неклассическом включением в анализ не только полюсов этой дихотомии, но и активных отношений между ними. По тому, как откликается исследуемый субъект на воздействие исследователя, делается вывод не только и не столько о его предшествующих свойствах, но и о том, что создается сейчас в процессе взаимодействия. Неклассический подход оказывается, таким образом, более продуктивным, включающим в себя системный принцип описания реальности. Об особенностях неклассического метода писал А.Р. Лурия, называя его «романтической наукой»: «Классические ученые — это те, которые рассматривают явления последовательно, по частям... Один из результатов такого подхода — сведение живой действительности к абстрактным схемам. Свойства живого целого при этом теряются... Иными чертами, подходами и стратегией отличаются романтические ученые. Они не идут по пути редукции реальности к абстрактным схемам... Романтики в науке не хотят ни расчленять живую реальность на ее элементарные компоненты, ни воплощать богатство конкретных

жизненных событий в абстрактных моделях, которые теряют свойства самих явлений. Величайшее значение для романтиков имеет сохранение богатства конкретных событий как типовых, и их привлекает наука, сохраняющая это богатство» (Лурия, 1982, с. 167).

Выбор в качестве методологического основания нашей работы неклассической парадигмы в варианте культурно-исторической психологии Л.С. Выготского был обусловлен и рядом дополнительных причин.

Во-первых, как отмечали В.В. Давыдов и Л.А. Радзиховский, уникальность фигуры Л.С. Выготского заключается, помимо прочего, в том, что он разработал нормативные методологические требования к психологическому исследованию и в то же время показал их продуктивность в реальной исследовательской практике. «Выготский давал именно то, что и должна давать методология при построении определенной теории. Не предвещая конкретных путей такого построения, он задавал общую систему нормативных требований и способ проверки получающихся результатов... В творчестве Л.С. Выготского следует разводить два аспекта — методологический и психологический. Они образуют не хронологическую, но логическую последовательность. Л.С. Выготский — методолог — формулирует нормативные требования к построению и анализу психологических теорий. Л.С. Выготский — психолог — стремился реализовать эту методологическую программу и добился выдающихся результатов при создании конкретной психологической теории» (Давыдов, Радзиховский, 1980, с. 70).

Основные методологические заслуги Л.С. Выготского указанные авторы видят в:

1) разведении предмета, единицы, метода и объяснительного принципа исследования;

2) требовании удержания восходящей к философскому уровню методологии сквозной логики на всех этапах исследования;

3) понимании детерминации не как прямой, субстанциональной и редукционистской, а как опосредствованной, функциональной, генетической;

4) понимании предметно-практической деятельности как реальности, детерминирующей психику.

Последнее утверждение не столь бесспорно, как предыдущие, но к обсуждению его правомерности мы вернемся ниже.

Таким образом, именно в методологическом подходе культурно-исторической психологии содержатся нормативные требования и указания на все необходимые для построения полноценной концепции условия: принципы конструирования предмета исследования, выделения единиц анализа, метода исследования и объяснительного принципа.

Проблема выделения единиц анализа автобиографической памяти

Л.С. Выготский в качестве наиболее продуктивного метода анализа целостного психического процесса предложил метод системно-генетического анализа «по единицам». «Защищаемая нами система психологического анализа ...предполагает коренное изменение метода психологического

эксперимента. Это изменение сводится к двум основным моментам: 1) замене анализа, разлагающего сложное психологическое целое на составные элементы и вследствие этого теряющего в процессе разложения целого на элементы подлежащие объяснению свойства, присущие целому как целому, анализом, расчленяющим сложное целое на далее не разложимые единицы, сохраняющие в наипростейшем виде свойства, присущие целому как известному единству; 2) замене структурного и функционального анализа, неспособного охватить деятельность в целом, межфункциональным или системным анализом, основанным на вычлениении межфункциональных связей и отношений, определяющих каждую данную форму деятельности» (Выготский, 1982, т. 1, с. 174).

Таким образом, анализ автобиографической памяти предполагает, во-первых, нахождение наблюдаемых в реальной деятельности человека единиц оперирования с материалом личного опыта и, во-вторых, моделирование целостного процесса автобиографической мнемической деятельности на основе воссоздания взаимосвязи этих единиц.

В.П. Зинченко сформулировал имплицитно присутствующие в работах Л.С. Выготского требования к выделению единиц анализа психического (Зинченко, 2001), которые включают в себя структурную целостность и связность, гетерогенность, способность к развитию и саморазвитию, способность к образованию открытого таксономического ряда, витальность (единица должна быть живой частью целого) и, что особен-

но важно, экологичность («оптика» метода анализа должна правильно отображать свойства объекта).

При организации исследования специальных психических функций, к которым мы относим автобиографическую память, важно, безусловно удерживая идею системного функционирования психики в целом, перейти к выделению единиц более конкретного уровня. Таким образом, на данном этапе центральным для нас является вопрос: что может быть принято в качестве той «капли воды», в которой портретируются свойства автобиографической памяти как целого?

С позиций разрабатываемой нами концепции наиболее продуктивным является представление автобиографической памяти в виде динамичной иерархически организованной многоуровневой системы. Мы предлагаем модель структурно-функциональной организации автобиографической памяти, согласно которой часть эмпирики жизненного опыта, которая оценивается как релевантная системе смысловых образований личности, презентуется сознанию субъекта в форме различных структурно-функциональных единиц. Каждому уровню соответствует специфичная система единиц анализа. Микроуровень функционирования автобиографической памяти представлен единицами «воспоминаний», которые могут актуализироваться по типу «фотографических», «важных», «переломных» и «характерных», а макроуровень — единицами жизненных тем, истории жизни, представления о своей судьбе как целостности и иллюзорного «мгновенного жизненного обзора».

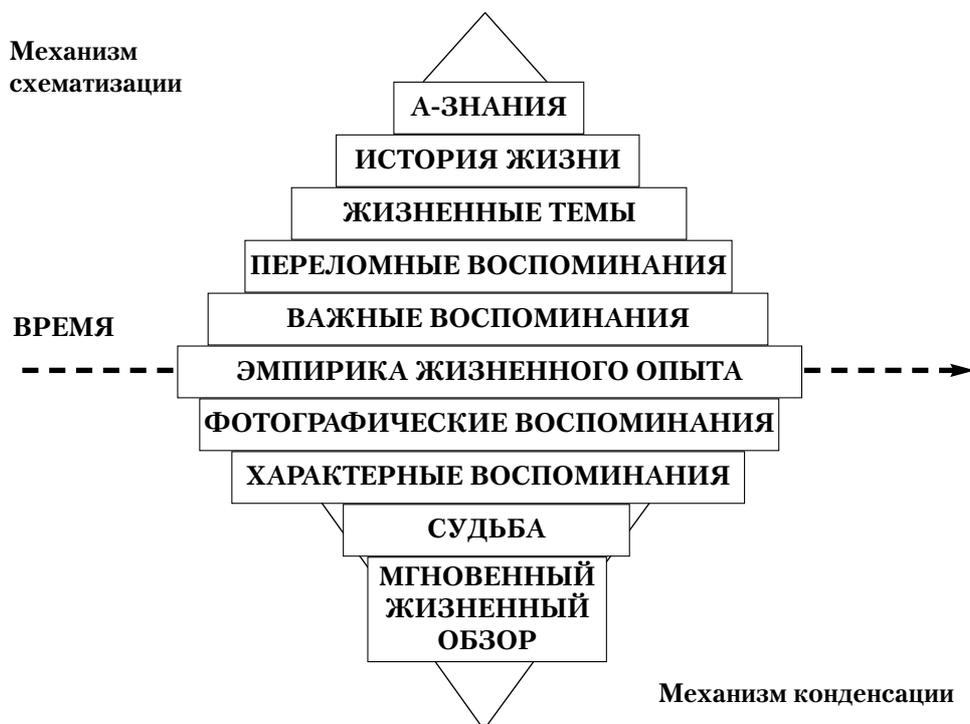
Отнесенная к Я информация преобразуется в структурно-функциональные единицы автобиографической памяти при помощи двух разнонаправленных механизмов. Суть одного из этих механизмов заключается в обобщении, схематизации, усилении повторяющихся компонентов и элиминации уникальных деталей. Процесс схематизации автобиографического опыта лежит в основе формирования важных и переломных воспоминаний, сквозных жизненных тем, истории жизни и системы автобиографических знаний. Противоположный механизм заключается в конденсации, сгущении перцептивной насыщенности представ-

ления, усилении уникального и единичного при элиминации повторяющегося. Механизм конденсации лежит в основе формирования «фотографических» (flashbulb) и «характерных» воспоминаний, представления о своей судьбе как целостности, а также феномена переживания целостного образа прошлого с максимальной смысловой насыщенностью — иллюзорного «мгновенного жизненного обзора».

Модель структуры феноменологии автобиографической памяти как результата преобразования эмпирики жизненного опыта посредством действия механизмов схематизации и конденсации представлен на рисунке 1.

Рисунок 1

Обобщенная модель феноменологии автобиографической памяти как результата схематизации и конденсации воспринятой субъектом эмпирики жизненного опыта

Для установления межфункциональных отношений (см. выше требование 2 к системе психологического анализа) автобиографическая память должна рассматриваться в единстве отношений, с одной стороны, к другим когнитивным процессам (прежде всего иным мнемическим подсистемам), с другой стороны, к личности и, с третьей стороны, к реализации немнемических по основному содержанию целей деятельности. В связи с этим в программу нашего исследования была включена проблематика роли автобиографической памяти в регуляции личностных процессов (саморегуляционные и экзистенциальные функции автобиографической памяти), функционирования содержания автобиографической памяти в качестве материала для реализации широкого круга жизненных целей (коммуникативные и прагматические функции автобиографической памяти) и определение специфики и характера координации автобиографической памяти с иными мнемическими подсистемами (эпизодической и семантической памятью).

**Проблема реализации
экспериментально-генетического
метода исследования
автобиографической памяти**

Требование системности исследования в методологии Выготского выступает совместно с другим важнейшим требованием раскрытия причинно-следственных связей как основной задачи исследования. Современные Л.С. Выготскому методологические оптики не удовлетворяли данному критерию: «Феномено-

логический, или описательный, анализ берет данное явление так, как оно есть в его внешнем обнаружении, исходит из наивного предположения, что внешний вид или проявление вещи и действительная, реальная каузально-динамическая связь, лежащая в его основе, совпадают. Кондиционально-генетический анализ исходит из вскрытия реальных связей, скрывающихся за внешним обнаружением какого-нибудь процесса. Последний анализ спрашивает о возникновении и исчезновении, о причинах и условиях и о всех тех реальных отношениях, которые лежат в основе какого-нибудь явления» (Выготский, 1983, т. 3, с. 97). Именно феноменологический подход к автобиографической памяти является на сегодняшний день одним из самых распространенных.

Сошлемся теперь на известное разъяснение Л.С. Выготского о специфике разработанного им метода: «Применяемый нами метод может быть назван методом экспериментально-генетическим в том смысле, что он искусственно вызывает и создает генетически процесс психического развития. Сейчас мы могли бы сказать, что в этом же заключается и основная задача того динамического анализа, который мы имеем в виду. Если на место анализа вещи мы поставим анализ процесса, то основной задачей рассмотрения, естественно, сделается генетическое восстановление всех моментов развития данного процесса. Основной задачей анализа при этом является возвращение процесса к его начальной стадии или, говоря иначе, превращение вещи в процесс. ... Короче говоря, задача подобного анализа сводится к тому, чтобы

экспериментально представить всякую высшую форму поведения не как вещь, а как процесс, взять ее в движении, к тому, чтобы идти не от вещи к ее частям, а от процесса к его отдельным моментам» (Выготский, 1983, т. 3, с. 95).

Таким образом, для реализации заявленной нами методологии культурно-исторической психологии перед нами встала задача создания действительно генетически динамичной методики исследования автобиографической памяти. Такая методика должна улавливать ход процесса овладения новым для испытуемого средством организации автобиографического опыта. Только тогда откроется возможность наблюдать то, как человек переходит от использования «готовой» структуры автобиографической памяти к господству над нею через автостимуляцию с помощью нового средства.

В пояснениях к формулировке общего генетического закона культурного развития Л.С. Выготский подчеркивает, что «переход извне внутрь трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции» (Выготский, 1983, т. 3, с. 145). Симметрично сказанному мы можем утверждать, что переход изнутри вовне снова ставит функцию в точку развития, давая возможность формирования ее с новыми качествами осознанности и произвольности, не повторного, но на новом витке.

В нашей исследовательской практике в качестве такого метода была разработана методика «Линия жизни», направленная на создание в графической форме целостной субъективной картины прошлого. При применении данной методики перед

испытуемым ставится новая для него задача, требующая рефлексивной работы, включающей в себя селекцию доступного опыта по критерию личностной значимости, сравнение фрагментов личной истории, создание хронологии прошлого, интеграцию отдельных воспоминаний в целостную картину. При выполнении методики «Линия жизни» происходит не просто выявление уже существующего образа прошлого, а активное его структурирование, при котором осуществляется моделирование функционального репертуара автобиографической памяти в будущем субъекта. Подчеркнем, что в наших работах выполнение методики «Линия жизни» всегда происходит в рамках индивидуального взаимодействия исследователя и испытуемого, что позволяет произвести «экспериментальное развертывание высшего психического процесса в ту драму, которая происходит между людьми» (Выготский, 1983, т. 3, с. 145).

Методика «Линия жизни» базируется на топографической метафоре организации автобиографической памяти. Вариации метода состоят в характере топографических моделей, предлагаемых человеку в качестве средства актуализации содержания автобиографической памяти, начиная от простейших (прямая линия) до сложных (ветвящееся дерево) и даже многомерных форм. Сама идея данной методики не имеет конкретного авторства, так как стоящий за ней образ однонаправленного линейного течения времени прочно укоренен в культуре. Наиболее традиционная процедура выполнения методики «Линия жизни», которая

используется в большинстве наших исследований, заключается в предоставлении испытуемому листа бумаги формата А4, разделенного по центру стрелкой, которая обозначает линию времени (Нуркова, 1999, 2000). От респондентов требуется выполнить следующую инструкцию: «Представьте, что это — ваша жизнь, от начала до сегодняшнего дня. Обозначьте самые значимые, наиболее запомнившиеся события. Чем более позитивно событие, тем выше отмечайте его от центральной оси времени (поставьте точку и подпишите), и чем оно негативнее — тем ниже. На самой оси укажите, сколько вам было лет, когда это событие произошло».

Применение методики «Линия жизни», по сравнению с автобиографическим интервью, по нашим данным, имеет ряд серьезных преимуществ. Во-первых, требование поместить на один лист все наиболее значимые воспоминания задает испытуемому высокий критерий селективности, отсекая попадание случайной, лишь ассоциативно связанной с представлением о своей судьбе информации (что часто можно наблюдать при неструктурированных рассказах). Во-вторых, испытуемому предоставляется возможность работать в наиболее органичной для него стратегии (от настоящего к прошлому, от прошлого к настоящему, от ключевых событий к интервалам между ними и т. д.). Таким образом, снимается один из обычных артефактов автобиографического интервью, когда пространственный рассказ о детстве исчерпывает временные и энергетические ресурсы испытуемого, что ведет к плохой вербальной проработке более поздних периодов

жизни. В-третьих, создание изображения субъективной картины прошлого представляет для большинства испытуемых новое психологическое орудие рефлексии содержания своей автобиографической памяти, что приводит к повышению уровня осознанности ее функционирования.

За 17 лет исследовательской практики нами было получено и проанализировано более 2500 протоколов применения методики «Линия жизни» (ЛЖ). В результате нами выделен ряд значимых для анализа параметров выполнения методики.

Существенными формальными признаками анализа выполнения методики ЛЖ являются: 1) соотношение позитивных и негативных автобиографических воспоминаний (амплитуды расположения событий от оси времени); 2) внутренний (для датировки используется возраст) или внешний локус датировки (датировка по годам); 3) присутствие события «мое рождение»; 4) плотность Линии жизни в целом (рассчитывается как отношение общего количества актуализированных событий к возрасту испытуемого); 5) плотность Линии жизни в различные жизненные периоды, наличие «пиков воспоминаний»; 6) объем «оперативного прошлого» (интервал между последним нанесенным на ось воспоминанием и возрастом испытуемого); 7) представленность детства; 8) тип связи между событиями (дискретность — связанность). В качестве содержательных параметров выделяются: 1) количество жизненных тем; 2) полнота и проработанность тем; 3) оригинальность событий; 4) актант истории жизни («я действую» или «я претерпеваю действия»);

5) наличие событий внутренней жизни; 6) наличие рекреационных событий (путешествия, отдых и т. д.); 7) наличие исторических событий — сопряженность с историей.

Выполнение методики «Линия жизни» становится для человека творческой задачей «на смысл», которая активизирует и качественно преобразует функциональный потенциал работы автобиографической памяти личности. Методика «Линия жизни» в нашем исследовании представляет собой вариант реализации стратегии системного экспериментально-генетического метода и становится для испытуемых средством преобразования и формирования автобиографической памяти.

Расширение потенциала культурно-исторической психологии за счет деятельностного подхода

Соотношение и возможность объединения культурно-исторического и деятельностного подходов до сих пор является предметом дискуссий. По нашему мнению, следующая совокупность причин позволяет признать существенное единство данных позиций.

Во-первых, это причины личностного порядка. А.Н. Леонтьев входил в знаменитую московскую «восьмерку», успешно работавшую под непосредственным руководством Л.С. Выготского, сформировался в ее рамках как самостоятельный исследователь и, безусловно, во многом интериоризировал научное мировоззрение своего учителя. Такое влияние служит основанием для установления преемственных отношений между культурно-исторической психологией и деятельностным подходом.

Во-вторых, культурно-историческая психология и деятельностный подход восходят к единой общепсихологической методологии диалектического материализма. И с этой точки зрения, культурно-историческая психология и деятельностный подход развиваются как ветви от одного философского ствола.

В-третьих, мысль о том, что идея деятельностного источника формирования высшей психики, коллективного труда как материального аналога психологических структур и овладения знаком в рамках практической деятельности содержится в работах Выготского, представляется вполне обоснованной. Это мнение подкрепляется выдержками из работ Л.С. Выготского, иллюстрирующими принцип «перехода высших функций из системы внешней в систему внутренней деятельности» (Выготский, 2005, с. 1051): «Подобно тому, как применение того и или иного орудия диктует весь строй трудовой операции, подобно этому характер употребляемого знака является тем основным моментом, в зависимости от которого конституируется весь остальной процесс» (Выготский, 1983, т. 3, с. 96); «Все элементы первичного управления собой, которые заслуживают названия волевых процессов, первоначально возникают и проявляются в какой-либо коллективной форме деятельности. ... Потом эти формы сотрудничества, приводящие к подчинению поведения известному игровому правилу, становятся внутренними формами деятельности ребенка, его волевыми процессами» (Выготский, 1984, т. 5, с. 204); «Высшие психические функции возникают непосредственно в связи с развитием

коллективной деятельности ребенка» (Выготский, 1983, т. 5, с. 207); «В поведении культурного взрослого человека практическое использование орудий и символические формы деятельности, связанные с речью, не являются двумя параллельными цепями реакций. Они образуют сложное психологическое единство, в котором символическая деятельность направлена на организацию практических операций путем создания стимулов второго порядка и путем планирования собственного поведения субъекта» (Выготский, 1984, т. 6, с. 26).

Таким образом, культурно-историческая теория и теория деятельности выступают в нашей работе как органично связанные на основе единства философской методологии и общенаучных принципов методологической оптики, позволяющих в комплексном исследовании перейти от изолированных позиций структурного или функционального анализа к системному рассмотрению психического явления во взаимосвязи структурного-функционального-генетического. Тогда может быть снято противопоставление процессуального и структурного описания психической деятельности, что должно найти воплощение в целостной концепции автобиографической памяти.

К программе культурно-исторической психологии автобиографической памяти

Базирующийся на культурно-исторической и деятельностной методологии взгляд на автобиографическую память как на специфически

человеческую высшую психическую функцию, формирующуюся и реализующуюся в совместной опосредствованной знаковыми системами деятельности людей, позволяет выдвинуть гипотезы, которые ставят под сомнение описанные выше и иные «очевидные» истины, уйти от поверхностных наблюдений к вскрытию внутренних каузальных закономерностей ее работы. Данный подход позволил очертить круг потенциально фальсифицируемых в конкретных исследованиях гипотез и получить ряд новых результатов.

Во-первых, в нашей работе мы отталкиваемся от основополагающей идеи Л.С. Выготского о том, что становящаяся психическая функция сначала исполняется только в совместной деятельности в разделенной между людьми форме (что предполагает, кстати, несимметричность мотивации этого исполнения у более опытного и менее опытного носителей культуры), потом разворачивается как индивидуальное культурное действие и лишь затем выстраивается как внутреннее идеальное знаково-опосредствованное действие (ВПФ в узком смысле). Как указывает Л.С. Выготский: «Развитие идет не к социализации, а к индивидуализации общественных функций, превращение общественных отношений в психологические функции» (Выготский, 2005, с. 1025).

Следовательно, автобиографическая память ребенка производна от уровня присвоения культурных практик рассказа о себе и, очевидно, уступает автобиографической памяти взрослого. Отсюда складывается понимание необходимости анализа многообразия аутоэмоциональных

культурных практик и артефактов, в которых они опредмечиваются. Следует предположить также, что присвоение культурных орудий опосредствования автобиографической памяти с предельной целью (конечно, скрытой от ребенка) создания целостной глубоко индивидуальной субъективной картины прошлого продвигается от простых форм к сложным: от автобиографического рассказа о единичном эмоционально насыщенном эпизоде к важному воспоминанию; затем к бытийной теме, объединяющей совокупность воспоминаний; далее — к пронизанной смысловыми линиями истории жизни и, наконец, к интегрированному обобщению — концепции своей судьбы.

Результатом операционализации данной гипотезы стали формулировка тезиса об отсутствии натуральной стадии развития автобиографической памяти в онтогенезе и обнаружение зависимости «автобиографической компетентности» ребенка от параметров социальной ситуации развития. Выявлена особая структурная характеристика автобиографической памяти, которая заключается в наличии субъективных сгущений воспоминаний в точках смены интервалов самоидентичности личности, обеспечивающая переживание целостности картины жизненного пути вопреки ее изменениям (см.: Нуркова, Митина, Янченко, 2005).

Во-вторых, культурно-историческая и деятельностьная методология включает в качестве центрального постулата принцип активности, т. е. избыточной по отношению к ситуации здесь и теперь устремленности субъекта к образу предвосхищаемого

будущего. Автобиографическая память понимается тогда не как реактивное «хранилище» отпечатка эмпирики жизни, а как текучий, постоянно приноравливающийся к целям человека процесс согласовывания пережитого с предвосхищаемым, как ресурс прогрессивного развития личности. Отсюда представление о подвижности структурно-функциональных единиц автобиографической памяти, которые в зависимости от мотивов, целей и условий актуализации обретают уникальную конфигурацию потенциально возможных характеристик (единицы автобиографической памяти). Определяющим конкретную феноменологию автобиографической памяти тогда является место материала прошлого опыта человека в структуре его деятельности.

Содержание автобиографической памяти может появляться в сознании как представитель операционального уровня деятельности (непроизвольные автобиографические воспоминания). Произвольное воспроизведение автобиографических воспоминаний может быть компонентом цели внешней по отношению к его содержанию. Тогда воспоминания представляют собой материал для реализации социально-ориентированных (например коммуникативных) и саморегуляционных (на уровнях регуляции психологического состояния или планирования поведения) действий.

Следствием данной серии гипотез стало, в частности, открытие эффекта зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности (Нуркова,

2009). На материале воспоминаний москвичей о террористических актах в Москве в сентябре 1999 г., полученных с полугодовым интервалом в апреле и октябре 2002 г., было показано, что ряд параметров чувственной ткани мнемического образа (субъективная яркость и полнота) и его значения (оценка исторической значимости события прошлого) изменяются в соответствии с динамикой смысловой насыщенности воспроизводимого материала, связанной с наступлением сходного по смысловому содержанию события — захвата заложников в театральном центре на Дубровке в октябре 2002 года. Эффект был проинтерпретирован на основе представления о том, что наращивание смысла мнемического содержания через актуализацию его в рамках более высокомотивированной деятельности иррадирует на другие образующие сознания — чувственную ткань и значение.

С точки зрения нашей исследовательской логики, наибольший интерес представляет процесс автобиографического воспоминания, инициированный и поддерживаемый специфической мотивацией «иметь субъективную презентацию истории личностного существования», который осуществляется на двух уровнях — в создании событийной истории жизни и концепции судьбы. Представление о деятельностной детерминации автобиографической памяти ставит перед исследованием задачу описания и анализа функционального потенциала автобиографической памяти в форме наличного репертуара функций и зоны его ближайшего развития. Обособляется и психотехническая задача расши-

рения доступных человеку способов использования ресурса автобиографического опыта, перехода к активному и сознательному овладению им («господству» — в терминах Л.С. Выготского). Развитие автобиографической памяти как высшей, т. е. социальной, опосредствованной, системной, осознаваемой и как результат — произвольной функции делает ее орудием сознательной самодетерминации личности.

В проведенном дифференциально-психологическом исследовании было продемонстрировано, что автобиографическая память, складывающаяся как ВПФ, обладает потенциалом преодоления физиологических ограничений субъекта на уровне личностной регуляции (Нуркова, 2009). Выдвинута гипотеза об изменении роли физиологических предпосылок функционирования автобиографической памяти в различных возрастных группах: в период своего становления она «вынуждена» опираться на наличные особенности нервной системы (прямое соответствие), зрелая автобиографическая память способна стать психологическим орудием перестройки природных предпосылок, средством регуляции личностных процессов.

В-третьих, обратим внимание на то, что автобиографическая память имеет свою историю не только в онтогенезе ребенка, но и в антропогенезе. Автобиографическая память (во всяком случае в той форме, в которой она может наблюдаться у современного взрослого человека) является культурным изобретением. М.М. Баткин раскрывает историческую обусловленность и поэтапность развития в рамках европейской

культуры психологического новообразования современной личности, неотъемлемым атрибутом которой является автобиографическая память (Баткин, 2000). Исходя из функционального понимания автобиографической памяти, можно предположить, что культуры различных типов (например отличные по параметру индивидуализма — коллективизма) используют формирование автобиографической памяти в качестве стратегии создания личности конгруэнтной доминирующему культурному профилю. Развивая данную мысль, можно прийти к выводу, что автобиографическая память «европейского» типа направлена в первую очередь на формирование «базы данных» для персональной идентичности («Какой я?»), а автобиографическая «азиатского» типа — для социальной идентичности («С кем я?»). В дальнейшем сложившаяся структура автобиографической памяти определяет ее возможное содержание и служит орудием воспроизводства наиболее желательного для той или иной культуры типа личности.

В нашей работе новое звучание приобрела проблема автобиографического нарратива как процесса и результата реализации мотивированного и целенаправленного мнемического действия, исполненного по семиотическим правилам в позволяющей актуализировать механизм осознания речевой форме и направленного на стабилизацию или изменение существующей иерархии мотивов для оптимизации характеристик будущей деятельности (Нуркова, 2009). Данное понимание привело к возможности постановки и решения ряда новых исследовательских задач:

1) поскольку автобиографический нарратив всегда представляет собой реализацию цели в рамках мотивированной деятельности, его анализ с учетом ситуации рассказывания является методом реконструкции структуры мотивов, целей ценностей личности. Характеристики рассказа дают возможность оценить место в иерархии мотива, связанного с актуализацией воспоминания;

2) автобиографический нарратив как один из компонентов текущей деятельности является осознаваемым средством изменения или стабилизации личностных свойств, его анализ позволяет выявить тот идеальный «проект» личности, который своей жизнедеятельностью стремится осуществить субъект;

3) семиотическая опосредованность нарратива открывает возможность анализа тех дискурсивных практик, в которых складывается самосознание человека.

Важно учитывать, что исторически развивается динамическое единство психической функции, опосредствующих ее знаков и форм деятельности. Семиотические системы имеют историческое измерение. Л.С. Выготский в контексте анализа разработки приемов «обходного пути» формирования высших психических функций в дефектологической практике указывает на возможность изобретения новых культурных средств: «Слепой ребенок не может овладеть письменной речью... Эта форма поведения, эта культурная функция... оставалась не доступной для слепого ребенка до тех пор, пока не был создан и введен обходный путь развития письменной речи, так называемый точечный шрифт, или шрифт

Брайля. Осязательная азбука заменила оптическую, сделав доступными для слепых чтение и письмо. Но для этого потребовалось создание особой, вспомогательной, специальной искусственной системы, приуроченной к особенностям слепого ребенка. ... Подобно этому, наряду со звуковым языком всего человечества, создан язык жестов для глухонемых — дактилология, т. е. ручная азбука, заменяющая устную речь письмом в воздухе. Процессы овладения этими культурными вспомогательными системами и пользования ими отличаются глубоким своеобразием по сравнению с использованием обычными средствами культуры» (Выготский, 1983, т. 3, с. 38). Таким образом, важнейшей задачей становится культурно-исторический анализ изобретения и развития культурных средств регуляции автобиографической памяти.

В нашем исследовании подобный анализ был проведен на материале истории развития фотографии (Нуркова, 2006). Было показано, что развитие культурных практик, основанных на использовании фотографии, и превращение фотографии в средство преобразования системно организованных ВПФ осуществляется как единый процесс развития культуры и психики человека. Фотография оказывается культурным средством, одновременно преобразующим социум и личность, становясь источником возникновения не существовавших ранее потребностей, видов деятельности, форм познания и общения. Преобразование процессов социализации и индивидуализации личности, появление особого класса «техник себя», реали-

зуемых с применением фотографий, обеспечивает новые траектории системного развития высших психических функций. Человек, входящий в мир культуры, овладевает фотографией как потенциально многогранным социокультурным средством, последовательно распредмечивая возможности этого «орудия», и совершенствует его в новых технических изобретениях. Интериоризация в ходе преобразования интерпсихической формы деятельности в интрапсихическую меняет фотографию, придавая ей символические свойства. Воспоминания о фотографиях становятся внутренними (интериоризованными) средствами регуляции автобиографической памяти. Обращение к «ментальной» фотографии представляет собой закономерную стадию развития внутреннего психологического средства регуляции автобиографической памяти культурного человека. Главным результатом исследования является демонстрация направления дальнейшего развития ВПФ как «нарастание степеней свободы» при овладении полифункциональным культурным средством, когда оно, интериоризуясь, становится психологическим. В исследовании показано, как фотография становится средством осознанного и произвольного преобразования различных функций автобиографической памяти.

Другими изученными нами формами опосредствования автобиографической памяти стали автопортрет и личное имя.

В-четвертых, автобиографическая память как репрезентированная человеку в осознаваемой и интуитивно переживаемой форме субъективная

реальность выполняет специфические функции временной интеграции личности и организации временного аспекта ее самосознания. Развитая автобиографическая память не замыкается сама в себе, а становится условием возникновения таких личностных феноменов, как патриотизм, благодарность, прощение, мудрость (определяемая как способность продуктивно решать жизненные задачи с опорой на свой жизненный опыт и ориентацией на ценности), и, с другой стороны, во многом деструктивных феноменов злопамятности и мстительности. В рамках заявленной методологической позиции мудрость понимается нами в развитии как комплексный интересубъектный психологический феномен разделенного решения субъективно безвыходной ситуации, ведущий к совершению поступка на основе особого автобиографического модуса мышления. В результате положительной динамики развития мудрость может стать атрибутивным свойством личности при переходе в интрасубъективный план функционирования. Высшая стадия становления мудрости заключается в том, что действенный совет запрашивается, генерируется и принимается в процессе внутреннего диалога с собой (Нуркова, Алюшева, 2010).

В-пятых, мы, безусловно, признаем и неэксплицируемые (неосознаваемые) содержания автобиографической памяти, которые уже на протяжении многих лет привлекают внимание ученых (особенно психоаналитической ориентации). Однако значимость направления исследовательского фокуса именно на осозна-

ваемый уровень функционирования автобиографической памяти подтверждается существованием особого мнемического переживания, сопровождающего воспроизведение автобиографически отнесенной информации — состояния автоноэзиса (Tulving, 2001). Мнемическое переживание автоноэзиса («я вспоминаю») характеризуется высокой субъективной достоверностью, когнитивной активностью, сложностью переработки, активным участием конструктивных процессов и интенсивной эмоциональной насыщенностью процесса воспоминания (Нуркова, Еременко, 2003, 2006). М.М. Баткин, характеризуя это явление, вводит специальный термин — «автобиографическое самосознание» (Баткин, 2000, с. 130).

***

Таким образом, применение системно-функционально-генетического анализа на основе методологии культурно-исторического подхода позволило исследовать автобиографическую память как высшую психическую функцию, организованную по смысловому принципу, оперирующую с личностно отнесенным опытом, которая обеспечивает формирование субъективной истории личного прошлого и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути, имеющую многоуровневую структуру, принципы организации которой определяются использованием различных систем социокультурных средств.

Литература

- Баткин М.М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ, 2000.
- Выготский Л.С.* Собр. соч. в 6 т. М., 1983–1986.
- Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005.
- Гейзенберг В.К.* Физика и философия. М.: Наука, 1989. С. 3–132.
- Давыдов В.В., Радзиховский Л.А.* Теория Л.С. Выготского и деятельностный подход в психологии // Вопросы психологии. 1980. № 6. С. 48–59; 1981. № 1. С. 67–80.
- Зинченко В.П.* Размышления о живой памяти // Психологическая наука и образование. 2001. № 3. С. 5–34.
- Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Нуркова В.В.* Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 2. С. 16–29.
- Нуркова В.В.* Методы исследования автобиографической памяти // Вестник Университета Российской академии образования. 1999. № 2. С. 11–31.
- Нуркова В.В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Университета РАО, 2000.
- Нуркова В.В.* Биографическое интервью. Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2001.
- Нуркова В.В.* Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77–87.
- Нуркова В.В.* Зеркало с памятью. Феномен фотографии: культурно-исторический анализ. М.: РГГУ, 2006.
- Нуркова В.В.* Фотография как «техника себя»: Анализ с позиций культурно-деятельностной психологии // Культурно-историческая психология: современное состояние и перспективы. М., 2007. С. 70–80.
- Нуркова В.В.* Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17–25.
- Нуркова В.В.* Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. В.Д. Соловьева, Т.В. Черниговской. М., 2008. С. 87–102.
- Нуркова В.В.* Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 60–68.
- Нуркова В.В.* Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2009.
- Нуркова В.В., Алюшева А.Р.* Феномен мудрости с позиций культурно-деятельностного подхода // Юбилейная конференция, посвященная 125-летию Московского психологического общества. М., 2009.
- Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В.* Ступени в субъективной картине прошлого // Психологический журнал. 2005. № 2. С. 22–32.
- Нуркова В.В., Михайлова О.И., Назлоян Г.М.* Автопортрет как средство саморегуляции личности // Журнал практического психолога. 2005. № 1. С. 100–119.
- Фуко М.* Воля к истине. М., 1996.
- Brewer W. F.* What is autobiographical memory? // *Autobiographical memory* /

D. Rubin (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 25–49.

Conway M.A., Pleydell-Pearce C.W. The Construction of Autobiographical Memories in the Self-Memory System // *Psychological Review*. 2000. 107. 2. 261–288.

Conway M.A., Rubin D.C. The Structure of Autobiographical Memory // *Theories of Memory* / A.E. Collins, S.E. Cathercole, M.A. Conway, P.E. Morris (eds.). Hove, U.K., 1993. P. 103–137.

Magnussen S., Andersson J., Cornoldi C., De Beni R., Endestad T., Goodman G.S., Helstrup T., Koriat A., Larsson M., Melinder A., Nilsson L.G., Ronnberg J., Zimmer H. What people believe about memory // *Memory*. 2006. 14. 5.

Nelson K. Self and social functions: Individual autobiographical memory and collective narrative // *Memory*. 2003. 11. 125–136.

Rubin D.C., Berntsen D. Cultural Life Scripts Structure Recall from Autobiographical Memory // *Memory & Cognition*. 2004. 32. 3. 427–442.

Theoretical perspective on autobiographical memory / CON AMORE – Center on Autobiographical Memory Research // Aarhus University, Denmark, June 13th–16th 2010.

Tulving E. Origin of Autonoesis in Episodic Memory // *The Nature of Remembering: Essays in honor of Robert G. Crowder* / H.L. Roediger III, J.S. Nairne et al. (eds.). Washington, 2001.